

ШЕДЕВРЫ ФЭНТЕЗИ
СТАЯ ВОРОНОВ

СКОТТ ОДЕН



Скотт Оден
Стая воронов
Серия «Шедевры фэнтези»
Серия «Шедевры фэнтези»

Текст предоставлен правообладателем

<https://litres.ru/51683347>

С. Оден. Стая воронов: ООО «Издательство АСТ»; Москва; 2020

ISBN 978-5-17-105736-7

Аннотация

<p>Даны зовут его скрелингом, англичане – оркнеем, а ирландцы – фомором. Он – Глашатай смерти и Жизнекрушитель, Предвестник ночи, сын Волка и брат Змея. Его имя Гримнир, и он последний из своего племени – последний в древнем роду чудовищ, с древности бывших бичом человечества.</p>
<p>Преисполненный жажды мести к убийце своего брата, Гримнир отправляется в мир, где уже царит новая вера. Старые пути порастают травой, те, кто им следовал, скрываются в тених, но Гримнир неумолимо идет к своей цели: оставив позади датские фьорды, где мудрость древних гномов уступила место безумию, он попадает в раздираемое войнами сердце Англии, где борются друг с другом лесные духи. А затем – на изумрудные поля Ирландии, в основанный викингами Дублин, где вскоре сойдутся в битве последователи Старых и Новых путей, и где монстру,

заклятому врагу людей, придется сделать самый трудный выбор в своей жизни.</p>

Содержание

Книга первая	7
Глава 1	8
Глава 2	25
Глава 3	36
Глава 4	39
Глава 5	43
Глава 6	51
Глава 7	56
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Скотт Оден

Стая воронов

Scott Oden

A gathering of Ravens

© 2017 by Scott Oden

© Дарья Сергеева, перевод, 2020

© Михаил Емельянов, иллюстрация, 2020

© ООО «Издательство АСТ», 2020

* * *

*Посвящается Стиву Томпкинсу и Мигелю
Мартинсу, моим братьям по оружию*

*Сам зная о себе, что он злодей,
Других считал преступнее и злей.
Про честного он думал: лицемер!
И ставил дерзкого ему в пример.
Он знал, что ненавидим, нелюбим,
Но знал, что враг трепещет перед ним.
Он непонятен был, и дик, и нем,
Не связан чувством никогда ни с кем.*

*Лорд Байрон, «Корсар» (Перевод А. И. Оношкович-
Яцыны)*

*Все стихло, все прошло, последний ждет костер;
Угас свет ламп, смолк пиришественный хор.*

Роберт И. Говард

Книга первая

Остров Зеландия, Дания

Год от рождества Господа нашего Иисуса Христа 999

Глава 1

Вой пришедшей с запада бури походил на глас Божий, ужасный, заглушающий слова еретиков, что отрицали грядущий конец света. Осень выдалась теплее обычного, и Ньял, сын Хьялмара, оставивший в прошлом году китовый путь ради знамени Белого Христа, знал, что рассчитывать на это тепло и дальше не стоит. Оставшийся в Еллинге священник, золотушный негодяй, который обращал в истинную веру мечом чаще, чем крестом, предупреждал, что эта *оведер* – непогода – дело рук дьявола; что жар преисподней нагревает мир людей, и вскоре воины Господни вырвутся из Райских врат, чтобы привести землю в порядок.

Еще год назад, до крещения, Ньял посчитал бы это чушью и погнал бы священника в шею. Тогда в оглушительных раскатах грома и рассекающих ночное небо копьях молний ему виделась рука языческого Тора; за пронизывающей до костей стеной дождя и града слышался фальшивый смех великанши Ран. Он приносил жертвы и взывал к Одину с мольбами о защите. Но теперь с его глаз, словно с очей апостола Павла, спала пелена, и он видел прямо перед собой истину: мощь старых богов угасала, близился конец света – не вероломный Рагнарек с лживыми обещаниями славы и вечной резни, но Судный день, когда Белый Христос вернется, дабы очистить землю от язычников, отступников, предателей Гос-

пода.

И Ньял, сын Хьялмара, считал себя счастливым – спасение души было даровано ему так близко к концу времен...

Небеса рассекла молния. Ньял крепче сжал поводья. Его осел шараялся в стороны и то и дело пытался сорваться вперед, бешено вращая от страха глазами. Лишь сила могучих рук его хозяина – наследие времен, когда тот ходил в набеги с норвежским королем Олафом, сыном Триггва, – удерживала животное от того, чтобы сойти с тропы в подлесок, где, как доказательство скорой зимы, начинали буреть красно-оранжевые листья, трепетавшие на ветру. Дорога, гораздо больше похожая на коровью тропу, уводила вглубь страны, прочь от берега Тюленьего рифа. Целью их пути был Роскилле; прибыв туда, Эйдан, спутник Ньяла, поступит на службу к старому отцу Гуннару, а сам Ньял... чем заняться ему? Просто ждать конца времен?

По лицу Ньяла сквозь темную с проседью бороду текла вода. Он натянул поводья, пытаясь сдвинуть с места треклятого осла, но лишь прочертил сапогами борозды в грязи. Ноги скользили на мокром камне, он чуть не упал.

– Да чтоб тебя, жалкая ты скотина! Клянусь, если доберемся до Роскилле, освежую и сапоги из твоей выжранной мухами шкуры сошью! – набросился на животное Ньял. Его голос снесло порывом воющего ветра.

На мгновение он подумал было вернуться на берег, укрыться от бури в заросших мхом развалинах старой ка-

менной башни – напоминании о тех днях, когда Зеландией еще правили Скьельдунги. Но Тюлений риф уже был дальше, чем в двух часах ходьбы от них, а до Роскилле оставался день, может, два дня пути. Нет, нужно было подыскать убежище здесь и сейчас.

Дождь немного утих, вдали все еще слышались громовые раскаты. Ньял огляделся в поисках Эйдана. Непоседливый юный бритт, весь последний год помогавший направлять народ данов от тьмы к свету Христову, оказался прямо перед ним: он карабкался вверх по склону холма, цепляясь за камни и кусты. Ньял нахмурился.

– Эйдан!

Тот обернулся. Ураган сорвал с него капюшон, стало видно покрытую копной медных волос макушку и гладкое, без намека на бороду, лицо. Эйдан сгибался под яростью ветра; черный шерстяной плащ хлестал его по спине, словно едва проклюнувшиеся крылья. Эйдан указал на что-то чуть выше от него по склону.

Там, укрытая кустами боярышника и ежевики, зияла раскрытая пасть пещеры.

Ньял махнул Эйдану рукой. Хотя новая вера была крепка в нем, дан не утратил предрассудков своего языческого рода. Он с юных лет знал, что в таких пещерах могли скрываться ужасные существа, страшнее любого волка или медведя. Может, туда слетались на шабаш ведьмы, плести невод песен, навлекающих рок на добрый люд; может, в тенях пря-

тались тролли, вайты или гоблины, готовые схватить неосторожного путника. Идущее по земле слово Господне, хоть и сдерживало нечисть забытого мира, все же не могло уничтожить ее окончательно...

Ньял, чувствуя ползущий по спине ледяной ужас, крикнул Эйдану:

– Там опасно!

– Не опаснее, чем идти сквозь бурю! – отозвался тот высоким, тонким, как у евнуха, голосом. Не дожидаясь ответа, он вскарабкался на уступ, проскользнул через заросли боярышника и растворился во тьме пещеры.

Ньял разразился длинной, абсолютно не достойной христианина бранной тирадой. Он не решился оставлять осла на произвол судьбы. Один внезапный раскат грома – и они не увидят своих вещей в лучшем случае до приезда в Роскилле. Ньял потащил животное за собой по склону, извергая новые потоки ругательств; когда впереди встала стена боярышника, по лбу Ньяла, несмотря на дождь и пронизывающий до костей холод, уже текли капли пота. Проклятая животина остановилась у входа как вкопанная, и он уступил: как можно крепче привязал поводья осла к самой толстой ветке. Ньял взял из поклажи свой *скеггокс* – топорик на короткой дубовой рукояти, с которым не расставался со времен хождения по китовому пути, – и прокрался вперед сквозь ветки и ежевику, почти ожидая найти вместо Эйдана лишь кровавые ошметки.

Но боевой клич замер у него на губах, а готовность к славной смерти испарилась перед явным отсутствием противника. Тощий мальчишка стоял посреди пещеры, целый и невредимый. Он оглянулся на Ньяла, сверкая голубыми глазами, – словно предлагая вымокшему, взъерошенному дану его укорить. Хотя щеки Эйдана покраснели и обветрились, черты его лица оставались по-женски нежными и изящными. Если бы Ньял не знал его, то принял бы за младшего сына какого-нибудь ярла.

– Бог любит дураков, – пробормотал Ньял, тяжело дыша.
– Не вижу другого объяснения тому, что ты еще жив.

– На Бога надейся, а сам не плошай, – усмехнулся Эйдан.
– Теперь нам есть где укрыться от бури.

В Зеландии редко можно было наткнуться на пещеру, а уж эта, как понял Ньял, была редкостью сама по себе. Ее размер поражал. В ней бы легко поместился насыпанный в Еллинге могильный курган Горма Старого. Вход в пещеру казался лишь выступом на стене шахты; сверху лился тусклый свет, капли воды просачивались сквозь поросшую кустарником трещину в двадцати футах над их головами и падали вниз, в образовавшееся в углу пещеры озерцо примерно в тридцати футах под ними. На берегу озерца росли три куста боярышника. Их чахлые ветви все еще покрывали пестрые осенние листья. Четвертый куст, полностью засохший, стоял голый, словно карикатура на своих соседей. Ньял не мог сказать, насколько длинна пещера: ее дальний конец скрывался

во тьме. Интересно, может быть, они попали в логово дракона, издохшего в схватке, но успевшего прикончить Бодвара Гаута, короля скьельдунгов? Даже вверив свою жизнь Христу, Ньял чувствовал, как его кровь – кровь бывшего язычника – вскипает в жилах при мысли о том, чтобы вонзить топор в чешую великого змея. То-то была бы славная смерть!

Эйдан осторожно подошел к краю уступа и всмотрелся в озеро.

– Почему здесь все не затопило?

– Готов спорить, что вода уходит сквозь трещины в камне, – Ньял потянул носом воздух. Сырой и затхлый, с едва уловимой животной вонью, напомнившей ему о плохо дубленной кожаной куртке, которую надевали под кольчугу.

Справа от входа спускались ко дну пещеры каменные ступени, словно вырезанная гномами лестница. Ньял ступил на одну. Скользкие от сырости, они все равно казались надежными. Дан начал спускаться первым, свободно держа в руке топор. Другая ладонь скользила по стене пещеры. Под пальцами чувствовались царапины и борозды.

– Руны, – произнес он, и фразу подхватило эхо.

Эйдан всмотрелся.

– Я думаю, это на латыни.

– Что здесь сказано?

Юноша повертел головой и привстал на цыпочки, стараясь лучше разглядеть полустертую надпись.

– Ор... Оркадии? Может, Оркады?

– Оркнейские острова?

Эйдан пожал плечами.

– Сложно сказать. Может быть...

Наверху засверкали слепящие вспышки молний; раздавшийся в ответ громовой раскат, казалось, сотряс землю. К тому времени, как Ньял и Эйдан спустились вниз, сквозь трещину в потолке вновь полил дождь. Цепи молний рассеивали мрак пещеры; в их ярком свете Ньял разглядел другой символ, выцарапанный глубоко в стене: глаз с вертикальным, как у гигантского змея, зрачком. Могучий дан содрогнулся.

– Что это за разбойничье логово?

– А есть разница? – отозвался Эйдан. – Бог дал нам сухой уголок, чтобы укрыться от бури. Ты что, станешь воротить нос от даров Всевышнего?

Ньял угрюмо посмотрел на глаз; его беспокоила варварская жестокость, с которой начертали символ. Память что-то нашептывала ему – какое-то предостережение из детства. Ньял огляделся по сторонам, словно из мрака пещеры вот-вот должен был выступить дьявол с острым шипом на конце хвоста.

– Врата Сатаны – это не дар.

Эйдан фыркнул и покачал головой.

– Иди заруби тот сухой куст и добудь нам дров. А я проведу нашего бедного осла. Думаю, ты охотнее вознесешь хвалу за Божью щедрость, когда высушишь одежду, согреешься у костра и съешь горячий ужин.

Ньял поворчал, но уже очень скоро они разбили лагерь рядом со ступенями у стены. Однако никакие уговоры не заставили осла зайти в пещеру глубже, чем на относительно сухой пяточок. Сжалившись над дрожащим животным, Эйдан снял с его спины вещи: две плетеные тростниковые корзины, вынул их завернутое в тюленьи шкуры содержимое и оставил осла у входа стреноженным и привязанным, с мерой овса и ведром воды из озерца на дне пещеры.

С треском ожил огонь, даря их углу немного света и тепла. Пока Ньял развешивал над костром солонину на бечеве, Эйдан достал смену одежды и пошел переодеваться к дальнему краю пещеры, в темноту. Когда он вернулся и начал раскладывать у костра промокшие вещи, Ньял последовал его примеру, соблюдая царившее между ними негласное уважение к чужой нагоде. Он отошел, и Эйдан, выудив из мешка немного хлеба с сыром, пригоршню сушеных яблок и флягу разбавленной медовухи, разложил еду по мискам. От аромата жареной сочной свинины, шипящей на огне, рот наполнился слюной. Пошевелив ветки в костре, Эйдан почувствовал откуда-то из глубины пещеры дуновение ветра, похожее на дыхание огромного зверя. Когда Ньял вернулся, Эйдан все еще всматривался во тьму.

– Как ты думаешь, насколько глубоко под землю уходит эта пещера? – спросил он у дана.

Ньял, опустившийся на колени, чтобы разложить одежду рядом с вещами Эйдана, взглянул вглубь пещеры и пожал

плечами.

– Кто его знает.

– Надо бы выяснить.

– Можешь даже не заикаться об этом, пока я не обсохну и не набью до отвала живот.

Ньял присел на нижнюю ступень лестницы; Эйдан подал ему миску, и оба склонили головы, пока Эйдан возносил молитву Господу, коверкая латынь своим полусаксонским-полудатским выговором. Когда он закончил, оба пробормотали «Аминь» и, кивнув, приступили к трапезе.

– Как считаешь, чьих это рук дело? – спросил Эйдан, дернув острым подбородком в сторону вырезанного глаза. – И что он означает?

– Может, великана, – ответил Ньял с полным ртом еды. – Мой дед говорил, что такие пещеры вырубил в земле сыны Имира, нечистые твари, пьющие кровь праведных христиан, – он умолк. Проглотил кусок свинины и пригвоздил Эйдана к месту ледяным взглядом. – Праведный ли ты христианин? Тебя спросят об этом, когда мы войдем в Роскилле. Спросят, как ты здесь оказался. О твоей родине, твоём народе – о том, почему ты покинул священный Гластонбери ради мелкой церквушки в самой заднице мира. И, конечно, спросят, следуешь ли ты заповедям Господним. Что ты им на это ответишь?

Эйдан не дрогнул. Эту их старую игру он знал хорошо: она готовила его к жизни богослужителя, а он не во всем мог

следовать ее законам.

– Я отвечу с готовностью – и буду про себя молить Господа простить мне мою ложь. Расскажу им историю Рыжего Ньяла, сына Хьялмара, который похитил меня при резне в Эксетере и обрек на незавидную жизнь раба. Расскажу, как сила Спасителя помогла ему отказаться от языческих богов и как мне, послушнику Гластонбери, удалось наставить этого беспощадного грабителя на путь истинного Бога. А потом скажу, что в преддверии Конца времен мы вместе отправились на восток, чтобы нести Евангелие твоим безбожным сородичам.

Ньял кивнул.

– Но что будет, если ты себя выдашь? Если влюбишься в одного из братьев-монахов и он тебя отвергнет? Что тогда?

– Я... Не знаю, – раздраженно выдохнул Эйдан, вдруг почувствовав усталость. Он поднялся на ноги и забрал у Ньяла пустую миску. – Меня такие вещи не заботили ни в Гластонбери, ни в Эксетере – там уж точно – и не заботят до сих пор. Знаю лишь, что не смогу жить, как прежде, и хочу все оставшееся нам время провести в служении Господу. Остальное не имеет значения.

– Молись, чтобы этого хватило, – кивнул Ньял.

Эйдан отнес миски к озерцу и ополоснул под струей лившей сверху дождевой воды. Он слышал глухое ворчание грома: где-то вдалеке сверкнула молния, и холмы осветила белая вспышка. Эйдан поднял глаза к расщелине: снаружи

опускалась ночь, принося на землю холод. К рассвету он будет пронизывать насквозь. Эйдан повернулся и засеменял обратно к костру.

Долгим взглядом он всматривался в глубину пещеры – прятаясь в тенях тайна умоляла ее раскрыть. *Может быть, разведу немного перед тем, как ложиться.* Вспышка молнии осветила пещеру...

И прямо на глазах у Эйдана во тьме возник чей-то силуэт – молния очертила его поразительно четко. Словно бы человек, дикий и разгневанный. И он шел вперед.

– Иисус, Мария и Иосиф! – Эйдан уронил миски и побежал к костру, спотыкаясь о собственный плащ и хватаясь за камни. – Господь всемогущий!

От его криков Ньял, успевший смежить глаза, сидя у нагретой от огня стены, вздрогнул. Он вскочил и поднял топор.

– Что стряслось?

Юноша указал во тьму в глубине пещеры. Когда к нему наконец вернулся дар речи, он смог лишь сдавленно прошептать:

– Мы... Мы не одни тут! Там кто-то есть! Клянусь! Там человек, я уверен...

Глаза Ньяла сузились.

– Встань за мной.

Он протянул руку к костру, вынул из него горящую ветку и поднял ее перед собой. Дерево потрескивало и сыпало ис-

крами, кружившими в воздухе от самого легкого дуновения.

Ньял тоже заметил движение в темноте. Свет заменившей ему факел ветки выхватил отблеск железа, изгибы волчьей шкуры... и все пропало. Он напрягся, готовый в любое мгновение броситься на врага. Его топор вновь стал продолжением руки.

– Если я скажу бежать, ты побежишь. Понял? – пробормотал он Эйдану, и тот кивнул. Ньял выпрямился в полный рост и завопил в темноту: – Кто там? Если ты вор, то мы лишь бедные сыны Христовы! У нас с собой ничего нет! Покажись!

Эхо его крика затихло вдалеке. Ньял напряженно вслушивался, пытаясь хоть что-то уловить: звон металла о камень или громкое дыхание. Но не слышал ничего – лишь монотонные громовые раскаты и капли дождя. Он уже собрался позвать еще раз, но тут из тьмы ответил голос – твердый, как камень. Человек говорил на языке данов с незнакомом Ньялу акцентом.

– У вас с собой есть еда, бедные сыны Христовы.

– Да. Ее мало даже нам двоим, но мы ей с тобой поделимся.

– И что взамен?

– Нам ничего не нужно. То, что даем мы, дается рукой Христовой. Мой брат наполнит для тебя миску. Эйдан?

Ньял услышал фыркание и сразу же за ним – грубый смех.

– *Брат*, говоришь? – он насмешливо хмыкнул и то ли

рвякнул, то ли кашлянул. – *Пф!* Я подыграю тебе, бедный сын Христа. В свое время я встречал многих данов. Данов Копья и данов Щита, данов Солнца и Кольца, Западных данов и Южных... а вот данов *Христа* видеть не приходилось, – он произнес это слово с явным презрением. – Вы, даны *Христовы*, блюдете еще законы гостеприимства?

– Да, – ответил Ньял.

– И разве я подкрался к вам, словно вор в ночи, дан *Христа*?

Ньял стиснул зубы.

– Нет.

– Не понимаю, – произнес Эйдан, озадаченно смотря на Ньяла.

– Так пойми, маленький тупица, – голос был похож на скрежет меча о точильный камень. – Эта пещера моя! Я отметил ее Оком! Вы залезли в нее, потревожили мой покой, напились моей воды и срубили мои деревья, а теперь смеете звать меня *вашим* гостем?

– Мы... мы не хотели тебя оскорбить. Мы не знали, что это твоя пещера, – сказал Эйдан.

Человек, все еще скрывающийся в темноте, снова рассмеялся. Но веселья в этом смехе не было.

– Да, кайся в невежестве и слепоте – вы же только этим и занимаетесь? Оставьте себе подаяние вашего Распятого Бога. Я готов обменять свое гостеприимство на вашу еду. Договоримся?

Ньял обдумал его предложение. В прежние времена он бы просто пустил в ход топор и забрал все нужное как военный трофей. Но времена эти прошли. Теперь он человек мира. Может быть, высшие силы испытывают его терпение и силу новой веры? Конечно, он сможет перетерпеть ночь рядом с угрюмым язычником в обмен на тепло, кров и Божью благодать. Ньял медленно опустил топор, разжал пальцы на рукояти и кивнул.

– Договоримся. Я – Ньял, сын Хьялмара. Это мой друг, Эйдан из Гластонбери. Мы идем в церковь Роскилле. Как нам тебя называть?

Человек приблизился к кругу света, шедшего от разведенного путниками костра. Шум грома стих, звуки дождя превратились в тихий шепот. Слабые вспышки молнии позволяли различить лишь искаженный жилистый силуэт с бугрившимися под кожей мышцами.

– У меня много имен, дан *Христа*. Глашатай смерти и Жизнекрушитель, Предвестник ночи, сын Волка и брат Змея. Я последний из племени Балегира. Мой народ звал меня Гримниром.

Эйдан вернулся к корзинам и вытащил хлеб и сыр. Еще у них осталась свинина и яблоко, сморщенное и сладкое. Накладывая еду, он наблюдал за Гримниром, гадая, что это за человек.

– И... из какого ты народа?

Но выступившее из тени существо нельзя было назвать

человеком, в дрожащем свете огня это стало очевидно. Хотя его лицо походило на человеческое, черты его были крупнее, резче и в полутьме пещеры чем-то напоминали лисьи. В грубые черные волосы он вплел золотые бусины и диски резной кости, глубоко посаженные подведенные углем глаза сверкали, словно каленое железо. Он был широкоплеч, с выпуклым лбом и длинными руками, по темной коже змеились татуировки из пепла и вайды. Наряд дышал обветшалым великолепием: безрукавный хауберк – черная кожаная рубаха с кольчужными кольцами, грубый дубленый килт из кожи пегой лошади, плащ из волчьей шкуры и браслеты – из золота, серебра и кованого железа. Ладонь с черными ногтями покоилась на костяной рукояти сакса.

Его вид ошеломил и Эйдана, но Ньял – тот словно обезумел. Он вновь подхватил топор. Не было больше мирного слуги Господа: вместо него лицом к лицу с заклятым врагом стоял дан.

– Христос милосердный! Я узнал тебя, *скрелинг*! Изыди, дьявольское отродье!

– Нашему перемирию конец, дан *Христа*? – в голосе Гримнира сквозила холодная угроза; он встал удобнее и напрягся, словно хищный зверь перед броском.

– Никакого мира с врагами Господа!

– В задницу твоего Господа!

Но прежде чем успел завязаться бой, Эйдан, не заботясь о собственной безопасности, кинулся вперед и встал между

Ньялом и Гримниром.

– Остановитесь, вы оба! Сказано в Писании: «Ненавидь грех, но люби грешника»!

Ньял замешкался.

– Это не просто грешник, Эйдан! Он даже не человек! Его род – род предателей, клятвопреступников, не чтущих покой мертвых!

– Что с того? Разве не говорили так когда-то и про твой народ? Помнишь их молитвы, брат? Когда-то они не сходили с губ всех богобоязненных христиан от Британии до Византии. Помнишь?

Горячее неодобрение в голосе Эйдана остудило пыл Ньяла.

– Избави нас, Господи, от варваров Севера, – Ньял, скрипнув зубами, опустил топор; может, ему и придется сдерживать себя до самого апокалипсиса, но он теперь христианин, а не какой-то охочий до крови дикарь. Те времена позади.

Когда он вновь заговорил, слова прозвучали спокойно и взвешенно.

– Спасибо, что напомнил. Ты мудр не по годам, брат, и настоящий христианин, к тому же. Прости меня, Гримнир. Пока что мы лишь оскорбляли твое гостеприимство своим поведением. Прошу, отужинай с нами.

Гримнир перевел взгляд суженных глаз с него на Эйдана и обратно. Его недоверие не исчезло, и все же он мучительно медленно убрал руку с рукояти своего сакса.

– Сегодня мы поедим, и вы проведете ночь в покое. Но как только взойдет солнце, я размозжу твой жалкий череп, дан *Христа*.

Ньял поднял миску с едой и подал ее Гримниру.

– Отлично, – ответил он. – Если это угодно Господу, то так тому и быть.

Гримнир со свирепой усмешкой принял миску из его рук и присел у огня рядом с гостями.

Глава 2

Мир за пределами пещеры окутала ночная тишина. С моря дул ветер, завывая, гоня перед собой пригоршни палых листьев и шурша ветвями боярышника. Облака на небе разошлись, открывая взгляду мерцание Божьих огней, которые теперь, в преддверии апокалипсиса, казались ближе и сияли ярче.

На холодных камнях пещеры перед вырезанным из старого весла драккара маленьким крестом молились коленопреклоненные Эйдан и Ньял. Говорил Эйдан: заученные наизусть слова сами слетали с его губ, несмотря на то, что мысли были прикованы к существу, с которым они делили пещеру. Гримнир сидел на корточках, и за прядями его волос, словно за вуалью, скрывался подозрительный взгляд красных глаз; он обнюхивал каждый кусок прежде, чем положить его в рот, будто ожидал найти в еде отраву. Эйдана мучила тысяча разных вопросов об этом – как там Ньял его называл, *скрелинге*? – но все они были забыты, когда дан сказал, что хочет помолиться перед сном. Когда Эйдан достал крест, Гримнир с громким звуком сплюнул, словно сам вид распятия причинял ему боль; он громко и грязно выругался, назвав их веру шутовством, и заявил, что не желает иметь с ней ничего общего. И Эйдан слышал его голос даже сейчас, пока тот справлял нужду под скрывавшими вход в пещеру

боярышниками; если Эйдан не ошибался, Гримнир *пел*. Тянул грубым голосом фальшиво и немелодично:

Братья начнут биться друг с другом,
Родичи близкие в распрях погибнут;
Тягостно в мире, великий блуд,
Век мечей и секир, треснут щиты,
Век бурь и волков до гибели мира;
Щадить человек человека не станет.¹

Он услышал, как Ньял пробормотал «аминь», и поспешно ответил тем же. Дан поднялся; пока Эйдан бережно заворачивал резной крест и убирал его в мешок, Ньял ворошил костер, не давая ему погаснуть. Он потер глаза.

– Песня, которую он поет, – произнес Эйдан, укладываясь на корзинах. – Знаешь ее?

– Это языческая песня о Рагнареке, – ответил, нахмутив брови, Ньял. – Так мой народ зовет конец света.

Он вновь уселся на то же место у стены, положив топор рядом. Эйдан протянул ему одеяло и начал готовить себе постель. Дым от огня вился клубами и исчезал в трещине наверху. Песня Гримнира затихла.

Эйдан с тяжелым сердцем обдумывал конец света. Где-то далеко, в этой самой ночи, ходил по земле Антихрист, сеял семена разрушения, творил всевозможное зло. Разумом Эйдан понимал, что это правда – ведь так говорилось в От-

¹ Перевод с древнеисландского А. Корсуна.

кровении Иоанна Богослова. И разве не сам благословенный аббат Эйсхэма Эльфрик назвал этот год Великим годом Страшного суда? Но почему же тогда Эйдан не чувствовал в сердце ликования, естественного при мысли о приближении Всевышнего? Христос должен был вновь явить себя уже к концу года, но дни все шли, а Эйдан не замечал вокруг ничего особенного. Не увеличилось число войн, и на долю людей не выпадало несчастий больше, чем они смогли бы вынести. На землях, не родивших зерно, царил голод – но в это же время на соседних, милостью Божьей, амбары и кладовые заполняли доверху. Эйдан не видел в этом никакого смысла. Он еще мог принять мысль об ошибке мудрого аббата Эйсхэма, пророчившего Великий год, но в *Откровении Иоанна* ошибок быть не могло. Правда ведь?

Эйдан очнулся от раздумий.

– Не знал, что язычники тоже верят в конец света.

– Верят, – подтвердил Ньял. – Но не в тот, в который верим мы. Они говорят, что Рагнарек станет временем славы и бесконечной войны, что боги Асгарда покинут его для битвы с йотунами, их заклятыми врагами. И эта битва уничтожит мир. Это древняя легенда.

– Знаешь, – произнес Эйдан, немного помедлив, – этот Гримнир напоминает мне твоих товарищей по кораблю. Он отрицает Бога так же яростно.

– У нас, данов, хотя бы есть шанс на искупление. В отличие от его народа.

Эйдан приподнял бровь.

– Любой человек может искупить свои грехи.

– Я уже сказал: эта тварь – не человек.

– Когда я его увидел, то тоже так решил. Он не похож на...

– юноша попытался подобрать слова, – ни на кого из тех, что я встречал. Но у него две руки, две ноги и голова, как и у нас. Он дышит и ест, как мы, а еще плюется, смеется и ругается. Если бы мы судили по одной внешности, то, может быть, я бы с тобой и согласился. *Ночем же* он отличается от человека? Каким словом ты его назвал, «скрелинг»? Никогда не слышал.

– Еще бы. Оно так же старо, как Рагнарек. Но есть слово и в твоём языке – «оркний». Его ты слышал? Им называют чудовище невероятной злобы, огра, который бродит по болотам и топям, пожирая плоть мертвецов. Это одно и то же.

Эйдан посмотрел на дана, как на умалишенного.

– Да, это слово мне знакомо. Оркнеи были врагами Господа, сыновьями Каина, долго враждовавшими с Всевышним. Гримнир не может быть одним из них! Господь изгнал их. Ну правда, Ньял! Что это за шутка? Не может он быть тем, кем ты его считаешь!

– Это не шутка, – ответил Ньял. – Говоришь, Господь изгнал оркнеев за их борьбу? То же произошло и со *скрелингами*. Мой дед много раз говорил об этих волках Севера, детях Локи, восставших против Одина и свергнутых им в Мидгард, где они теперь изводят людской род.

– Изгнанные Богом?

Ньял кивнул.

– То есть, монахам Роскилле мы скажем, что пока добивались, провели ночь в пещере с мифическим существом из легенд? *Смонстром*?

Дан улыбнулся, но Эйдан знал, что не от веселья – так улыбается взрослый, потакая капризу ребенка.

– Поживи с мое, и поймешь, что за самыми нелепыми легендами кроются песчинки правды, которые человеческий разум способен превратить в сверкающий жемчуг. Когда мы оказались в этой пещере, я поначалу решил, что она может быть логовом дракона, убитого древним Бодваром Гаутом, королем скьельдунгов. Не сомневаюсь, что монахи Роскилле посмеялись бы надо мной, скажи я им это: уверен, они считают, что верить в драконов могут лишь дети, скальды или глупцы. Но я не пустоголовый поэт. Я видел череп великого змея – на Борнхольме; он крепче камня и полон острых, как кинжалы, клыков – значит, когда-то и драконы жили на свете. И хоть до этого дня мне не доводилось встречать *скрелингов*, но я находил их черепа и слышал истории своего народа. Я знаю, о чем говорю: этот – из их народа.

Род Гримнира был нашим проклятием несколько сотен лет. Они нападали на наши деревни, атаковали по ночам, когда мы спали; они убивали мужчин и детей, похищали наших женщин и добро. Старый конунг по имени Хротгар сплотил данов на битву, и они, сражаясь все как один, все-таки одо-

лелискрелингов, хоть это и стоило Хротгару жизни. По правде сказать, их уже много лет никто не видел. Мой дед считал, что они покинули эти земли.

Голос Гримнира застал их обоих врасплох. Тот подкрался так тихо, что ни один не заметил, как он притаился неподалеку, слушая их разговор.

– Хротгар? Этот старый боров получил по заслугам, – Гримнир выпрямился и сошел вниз. Он зашипел и остановил разъяренный взгляд на Ньяле. – А ты... Ты треплешься о том, чего не понимаешь, дан Христа. *Каунар* ведут свой род не от Злокозненного. Наш предок Имир, в наших венах течет черная кровь Ангрбоды.

Ньял ему не ответил, Эйдан перевел взгляд с одного на другого и вскинул бровь.

– Прости мне мой вопрос, но кто такие *каунар*? – спросил он мгновение спустя.

– Для тебя *яоркней*. Для данов – *скрелинг*. Проклятые ирландцы зовут меня *фомор*, – ответил Гримнир и стукнул себя кулаком в грудь. – Но я *каун*! Теперь понимаешь?

От ярости в его голосе по телу Эйдана пробежала дрожь. Он кивнул.

– И... м-много вас осталось?

– *Nár*, я последний. – Гримнир подхватил свой потрепанный волчий плащ, накинул его на плечи и сел за пределами круга света спиной к озеру. Его глаза тлели словно уголья. – Я проводил песню смерти старого Гифра, брата моей мате-

ри, еще во времена ублюдка Карла Великого. С тех пор не встречал никого из своих. Когда уйду и я... – он смолк.

– Но... – Эйдан прочистил горло. – Но Карл Великий правил франками лет двести тому назад. Я снова прошу меня простить, но сколько же тебе тогда лет?

Гримнир пожал плечами.

– А сколько тебе?

Эйдан склонил голову, залившись краской.

– Я... Не знаю точно. Монахи Гластонбери говорят, меня оставили на пороге в снежный день Йоля. Я точно живу на свете больше двадцати лет. Может быть, и дольше.

– Подкидыш, значит? – Гримнир перевел мрачный взгляд на Ньяла. – А ты, данХриста?

– Мне едва ли больше пятидесяти.

– Сопляки, оба, – ноздри Гримнира раздулись. – Свой первый вздох я сделал на Оркхауге, в Скандинавских горах, и было это в последние дни Мира Фроди, – его губы изогнулись в свирепой усмешке, обнажив острые зубы. – Мое рождение стало знаменем распрей и войн!

– Невозможно! – воскликнул Эйдан. – Наш хозяин принимает нас за дураков, брат. Мир Фроди продолжался, лишь пока Христос-Спаситель ходил по земле. Это значило бы, что нашему другу не меньше тысячи лет! – Эйдан думал, что могучий дан станет спорить, может, насмехаться. Но Ньял промолчал. По его бородатому лицу не скользнуло и тени сомнения. – Ты ему веришь?

Гримнир подался вперед, в его глазах зажегся опасный огонек.

– Ты назвал меня лжецом?

– Лжецом? – быстро повторил Эйдан и вскинул руки, стараясь смирить гнев Гримнира. – Нет. Этого я сказать не хотел. Просто... чтобы поверить, что тебе тысяча лет, мне придется признать, что ты не такой, как другие люди, и ведешь свой род не от благословенного Адама. Что ты совершенно на нас не похож. Только Христос бессмертен.

– *Люди*, говоришь? – усмехнулся Гримнир. И расслабился, словно разжатая пружина. – Верь, чему хочешь, маленький подкидыш. Мне все равно. Есть у вас еще та кошачья моча, которую вы зовете медовухой?

Эйдан протянул ему почти пустую флягу, Гримнир осушил ее полностью. Ньял прислонился к стене и прикрыл глаза, продолжая крепко сжимать топор – пусть этой ночью их охраняли законы гостеприимства, но он хотел чувствовать себя так же спокойно, как под крышей родного дома. Эйдан понизил голос.

– Мы идем в Роскилле и там проведем отпущенное нам до конца света время. Будем нести слово Господа и Спасителя нашего, Иисуса Христа, заблудшим душам, которые до сих пор молятся языческим богам. Это твой дом? – Эйдан кивком указал на пещеру.

Гримнир смотрел на огонь, словно читая будущее в его языках.

– На эту зиму. Я иду на юг от Сконе, ищу старого врага – слизняка, задолжавшего мне вергельд.

Его слова достигли ушей почти уже заснувшего Ньяла. Он открыл один глаз.

– И сказал Господь: «Мне отмщение, и аз воздам».

Волчье лицо Гримнира превратилось в гневную маску. Он ощерился и презрительно прорычал:

– Пусть ваш жалкий божок даже не пытается тянуть руки к чужой добыче. Особенно к этой. Мерзкий выродок зовет себя Бьярки. Бьярки Полудан! Чтоб ему Змей кишки в узел завязал! Прячется от меня – но я его найду. А когда найду... *Nár!* Грязный клятвопреступник заплатит.

– Бьярки Полудан, да?

Гримнир поморгал.

– Ты о нем слышал?

Ньял уселся удобнее.

– Больше скажу – я с ним знаком. Тот еще подонок, и слишком хитрый к тому же. Прежде чем вверить жизнь Богу, я ходил по китовому пути с сыном Олафа Трюггва. И с Бьярки.

Ньял рассказал Гримниру о набегах, в которых ему довелось участвовать под предводительством Олафа – того самого, который правил теперь Норвегией. Многие годы Ньял Рыжий резал людей, грабил и торговал в землях от Фризии до Гебридских островов и побережья английского Уэссекса, где предал богатый Вэрхэм огню, а его повелителя принца

Эотреда – мечу. Эйдан слышал, что этот Бьярки сражался плечом к плечу с Ньялом и покинул викингов лишь на Корнуолльских островах Силли.

– Там-то Олаф отринул старую веру и принял христианство, – сказал Ньял. – А Бьярки считал себя нашим *годи*, жрецом, и Олафу он этого не простил. Они давали клятву Одину. Бьярки считал, что Олаф нарушил ее, когда присягнул Вседержителю. Мы все пытались их помирить – но от резких слов недалеко до резких ударов. Однажды в предрассветный час Бьярки напал на Олафа и тяжело его ранил. Мы не успели его остановить, и он каким-то чудом сбежал, прихватив еще несколько человек. Было это... – дан быстро посчитал на пальцах, – четыре года или, может быть, пять лет назад. С тех пор его на Севере не видели; король Олаф затаил обиду, – Ньял зевнул. – В прошлом году, после резни в Эксетере, я оставил китовый путь и тоже принял христианство. Насколько я знаю, Бьярки до сих пор бороздит воды у английских берегов где-то между севером Корнуолла и устьем Темзы.

– Грабит, да? – Гримнир сплюнул в костер. – Я его найду. Взгляд его красных глаз впился в Эйдана.

– Ты из Англии. Ты лучше меня знаешь их обычаи и язык. Ты пойдешь со мной.

При мысли о возвращении на родину Эйдан напрягся, он поднял на Гримнира голубые глаза холоднее инея.

– Скорее еврей сядет на трон Святого Петра, чем я вновь ступлю на английскую землю. Может быть, ты отыщешь себе

проводника в Роскилле.

Гримнир скрипнул зубами и растянул в усмешке губы.

– Роскилле? *Пф!*

– Тогда благослови Господь твой путь, – произнес Эйдан.

Он взглянул на задремавшего Ньяла. – Уже ночь. Нам завтра рано подниматься в дорогу. Спасибо тебе за твое гостеприимство.

Гримнир заворчал, закутался плотнее в волчий плащ и повернулся спиной к огню. Эйдан пожал плечами, скормил пламени еще одну вязанку сухих веток и вытянулся, подложив руку под голову. Через несколько минут он уже провалился в сон, и к храпу огромного дана добавилось его мерное дыхание.

Когда оба уснули, *скрелинг* поднял голову. Он взглянул на Эйдана и Ньяла, потом поднялся ко входу в пещеру, где рвался и бил копытом осел. Гримнир кивнул самому себе. Спустившись, он еще побуравил жестоким взглядом видневшееся в трещине усыпанное звездами небо и глубоко задышал, притворяясь, что спит.

Глава 3

Звук скребущих по камню железных когтей будит Эйдана. Он неподвижно лежит в темноте; тусклый свет, пробивающийся в сердце пещеры, сер и холоден. Эйдан вновь слышит, как что-то тяжелое с трудом волочется по земле, и приподнимает голову. Неясная в сумраке фигура движется вглубь пещеры. Кривая, мрачная, цепляющаяся черными когтями за камни в поисках опоры. Гнилостная вонь опережает ее, как легкий ветерок – бурю. Не смея вздохнуть, Эйдан наблюдает сквозь полуопущенные веки, как фигура выползает на свет – невероятное существо, подобных которому не должно быть на свете: шишковатые конечности и раздутый живот, из спутанной бороды, всей в колючках боярышника и ежевики, выглядывают клыки; в глазах его нет жизни, они пустые, жестокие. Они прошивают Эйдана насквозь.

– Тебе не спрятаться, – шипит существо знакомым голосом. Голосом ненавистного человека из Эксетера, человека, который уже больше года как мертв. Годвин. – Тебе не спрятаться, моя милая шлюшка. Иди ко мне.

Пальцы с крепкими когтями тянутся к лодыжке Эйдана, и он кричит...

Юноша резко выдохнул и проснулся.

– О Боже! – то ли позвал, то ли взмолился он. Лежа те-

перь с широко распахнутыми глазами, он думал о преследовавшем его кошмаре.

Эйдан сел на ледяном полу пещеры. От его дыхания в воздухе шел пар, сквозь трещину в потолке пробивался и играл на поверхности озера свет утреннего солнца. Болела спина, лодыжка все еще горела в том месте, где до нее дотронулось чудовище из кошмара. Юноша провел рукой по коротким медным волосам. От костра остались одни лишь тлеющие угли. По другую сторону все еще тихо похрапывал под одеялом Ньял. Эйдан поборол желание закутаться в свое и тоже подремать еще хотя бы час. Уже точно было время вставать. Он потянулся, повернулся... и увидел, как из тени на него смотрит Гримнир. *Невероятное существо, подобных которому не должно быть на свете*, – он вытащил сакс и водил по испещренному рунами металлу точильным камнем.

– Давно рассвело? – пробормотал Эйдан.

Гримнир провел камнем вдоль лезвия меча, медленно, с отчетливым скрежетом – *словно звук скребущих по камню железных когтей*; когда нечеловеческие глаза остановились на Эйдане, юноша почувствовал, как встают дыбом волосы на затылке. Вчерашние узы добрососедства исчезли. Теперь во взгляде Гримнира царила необъятная ненависть.

– Час назад, – прошипел он. – Может, меньше.

Эйдан нервно фыркнул.

– Вот мы лежебоки! Я разведу огонь и приготовлю нам завтрак, разбужу Ньяла. Горячая еда...

– Лучше сначала поймай своего осла, – Гримнир указал острием сакса на выход. Осел исчез. – Он перегрыз веревку и понесся на дорогу.

Эйдан ударил себя по лбу.

– Боже милосердный! Эта животина меня в могилу сведет! – он вскочил и побежал по ступеням. Тут ему в голову пришла нехорошая мысль, он остановился. – Ты что, не мог его остановить?

– Мог, – пожал плечами Гримнир.

– Так почему же, Бога ради, не остановил?

Скрелинг улыбнулся; на его лице отразилось веселье – недоброе, коварное. Эйдану показалось, что он решил зло пошутить над путниками.

– Болтай, болтай, маленький тупица. Твой осел вперед тебя в Роскилле прискачет.

Он рассмеялся и вновь вернулся к своему саксу; Эйдан проглотил ответные слова и поспешил к выходу из пещеры. Не обратив внимания на длину оставшейся привязи, он протиснулся сквозь стену боярышника к холодному утреннему свету.

Глава 4

Гримнир слышал, как он подзывает осла; когда сопливый дурак спустился с холма на дорогу, его голос затих. Тогда Гримнир в последний раз провел камнем по лезвию и поднялся; он вытер клинок о ткань килта, убрал его в ножны и смерил спящего Ньяла взглядом, от которого и молоко бы скисло.

Он подошел ближе и пнул дана по ноге.

– Эй, жалкий ты лентяй. Поднимайся! У меня есть к тебе дело. – Ньял невнятно выругался. Гримнир пнул его снова. – Вставай, чтоб тебя.

– Чтоб тебе пусто было, *скрелинг!* – пробормотал Ньял. – Еще раз меня тронешь – я откручу твою рябую башку!

– Ну попробуй, толстозадый христовер. Вставай, ничтожество!

Ньял с усилием сел, он потер глаза, огляделся. И вдруг замер.

– Где Эйдан?

Гримнир рассмеялся – словно кто-то скинул в могилу несколько камней.

– Я отослал твою шлюшку подальше. А ты хитрый ублюдок. Очень умно – отрезал ей волосы, и заставляешь ее таскаться в одежке бедного сына Христа. Ты почти меня провел. Куда вы на самом деле идете? Везешь ее на Восточный

рынок рабов или к себе домой? Она хоть знает, что ты для нее припас?

– Ты умом повредился, – ответил Ньял. Он встал, прошел, толкнув Гримнира плечом, к озерцу и присел, чтобы умыться ледяной водой лицо. – Эйдан – добрый христианин, который скоро вступит в орден Святого Бенедикта, и идем мы в Роскилле, как он и сказал.

– Лжец! У нее идет кровь. Сейчас ее время месяца. Я чую ее запах, – Гримнир почти урчал. – Подойди, у меня много доброго серебра. Я выкуплю ее у тебя.

Ньял выпрямился. Его намокшая борода торчала сосульками. В его глазах разгорелся праведный гнев, он подошел к Гримниру и навис над ним. Но тот не струсил.

– Нечестивый негодяй! Богопротивный кусок грязи! Она дитя Господне, а не рабыня на рынке! Она...

– *Она?* – прошипел Гримнир.

Ньял отбросил попытки скрыть правду.

– Эйдан *была* женщиной. *Женщиной*, да! Мы с ней идем в Роскилле. И как только она туда попадет, то станет всеми силами служить Церкви – и на этом конец! Такова воля Господа!

– И что с ней сделают, когда раскроют ее маленький секрет, а?

– Не твоего ума дело!

– А что сделаешь *ты*, дан Христа? Вот в чем вопрос... Возьмешься ли ты за топор, когда они придут по ее душу?

А они придут, ты сам это знаешь. Я чую твой страх за нее. Он подтачивает твою веру, мерзкий клятвопреступник. Покайся своему Распятому Богу и отдай девчонку мне. Я о ней позабочусь.

– Захлопни пасть, мерзкий ядовитый змей! – заорал Ньял. Лишь древние узы гостеприимства удерживали его от того, чтобы сжать руки на глотке Гримнира. – Возвращайся во тьму и молись своим вонючим богам, чтобы в следующую нашу встречу я не раскрыл топором твой жалкий череп! Она под моей опекой, и я сделаю все, чтобы ее защитить! Я лучше умру, чем позволю ей навредить! – он оттеснил Гримнира плечом.

– Да будет так! – усмехнулся тот.

Быстрый, словно змей, он накинулся на дана и пнул его под левое колено; нога подогнулась. Удар подкосил Ньяла. Прежде чем он успел подняться – прежде чем успел понять, что происходит, – на его спину, прямо между лопаток, обрушился еще один удар. Ньял упал лицом на камни. Воздух с шумом вышел из легких.

Дан хватал ртом воздух. Он попытался вдохнуть, подняться, дать отпор. Гримнир ему этого не позволил. Не прикоснувшись к саксу, он прыгнул на Ньяла, оседлал его широкую спину и вдавил его голову в каменный пол пещеры. Хрустнули хрящи, из разбитого носа хлынула кровь. Не видя ничего сквозь слезы и рыча от ярости, Ньял забился, словно раненый зверь, и вскинулся. Вцепился в Гримнира. Если бы

он только мог дотянуться...

Но Гримнир был безжалостен. Он крепко держался на спине Ньяла и наносил по его голове удар за ударом. Ньял выгнулся. Он сделал еще одну попытку подняться, по его разбитым губам потекла кровавая пена. Грубый кулак Гримнира опустился еще раз, раскроив бровь и попав по уязвимому мягкому виску. Колени Ньяла подломились, дав Гримниру преимущество в силе и весе. На горле Ньяла сомкнулась железная хватка, заглушая последний мучительный вопль.

Глава 5

После прошедшей бури в Зеландии наступило пронзительно ясное утро. Женщина, называвшая себя Эйданом, – а это действительно была женщина, мастерски скрывавшаяся под личиной розовощекого юноши, – приложила ладони ко лбу козырьком и посмотрела назад, на дорогу, по которой шла сюда вчера. Она представила себе волны, бьющие о берега Тюленьего рифа, где они сошли с корабля, плывущего на Борнхольм, остров в Балтийском море. Впереди, за кустарниками и деревьями, сверкали синие фьорды, пронзающие насквозь сердце Зеландии, а южнее, слева от девушки, на несколько сотен футов вперед тянулись холмы, за ними – лесистая низина. Над горизонтом поднимались клубы дыма – там лежали обжитые людьми земли, стояли деревни.

Дул чересчур холодный для этого времени года ветер, и девушка дрожала, несмотря на яркий солнечный свет; она кое-как спустилась по склону холма к изрезанной колеями дороге. Оставленные вчерашним дождем лужи еще не высохли и покрылись по краям кромкой льда. Девушка обнаружила в грязи свежие следы копыт и поняла, что осел, по милости Божьей, не успел убежать далеко.

Животное стояло на опушке леса, запутавшись поводьями в терновнике. Когда девушка подошла, осел дернул ушами и прижал их к голове. Он был напряжен. Испуган. Ти-

хим голосом она начала успокаивать его, словно дитя, вместо того чтобы обрушить на голову упрямой скотины громы и молнии небесной кары, которую та заслужила. Ей удалось взяться за недоуздок. Высвободив веревку из плена терновника, она заметила нечто странное. Края пеньки не выглядели погрызенными – скорее перерезанными. Как и ремень, которым вчера стреножили осла.

Девушка сразу заподозрила в проделке Гримнира. Она вспомнила, как он сидел и с самодовольным видом точил сакс. Но зачем? Зачем он пытался отогнать их осла? Совершенно непонятно...

И вдруг она услышала сквозь порывы пронизывающего ветра отчаянный крик, словно рычание раненого зверя.

Норовистый осел испуганно дернул веревку и вырвался. Девушка покачнулась и, не устояв, упала коленями на покрытую инеем тропинку. В ладони впились камни. Осел унесся куда-то в направлении Роскилле. Еще один крик оборвался на высокой ноте, и взгляд девушки метнулся ко входу в пещеру; она узнала того, кто кричал, и побледнела.

– Боже милосердный, – прошептала она.

С трудом поднявшись на ноги, девушка побежала вверх по склону и нырнула в заросли боярышника.

– Ньял?

Глаза не сразу привыкли к темноте. Она спускалась по ступеням на ощупь, держась одной рукой за стену.

– Ньял!

Но от увиденного во мраке у озера она начала хватать ртом воздух. Гримнир сидел на спине Ньяла, сомкнув пальцы у него на горле и по капле выжимая из него жизнь. На лицескрелинга застыло ликование дикаря.

– Господь Всемогущий! Нет!

Но едва ступив на дно пещеры, она уже поняла, что опоздала. Крепкие руки Гримнира дрожали и сжимались, он впечатал Ньяла лицом в землю и вскочил на ноги. Схватил Ньяла за плечо, перевернул его на спину. Девушка, называвшая себя Эйданом, громко вскрикнула при виде окровавленного лица, сломанного носа и заплывшего глаза дана. Еще больший ужас вызвал у нее раздувшийся, как у висельника, язык и остекленевший взгляд выпученных глаз. Девушка кричала, потому что уже поняла: Ньял погиб.

Гримнир вскинул голову и издал ужасающий победный клич – нечестивый злорадный вопль убийцы. Когда эхо омерзительного звука стихло, взгляд сверкающих красных глаз уперся в девушку.

– Подкидыш, – прошипел он.

Ноги задрожали и подломились. Зачем бежать? Куда ей идти? Кто защитит ее от чудовища, если это не удалось даже свирепому Ньялу? «Веруй в Господа», – шепнул внутренний голос. – «Веруй во Всевышнего». И девушка, стоя на коленях, осенила себя крестом и склонила голову.

– Я... я пшеница Божия: пусть измелют меня з-зубы зверей... Я иду вслед за Господом, Сыном истинного Бога Иису-

сом Христом. Ж-желаю умереть во славу Х-христа...

Гримнир за пару шагов преодолел расстояние между ними; девушка пискнула, когда он схватил ее за шею и с силой прижал к стене. Пальцы на горле не дали ей вскрикнуть, перед глазами заплясали огни.

– Вам, христоверам, так не терпится скорее помереть. Окажи своего любимому Распятому Богу услугу и встреть смерть на ногах. Пусть ублюдок отработает свой хлеб!

Свободной рукой Гримнир залез ей под одежду. Она попыталась вывернуться, отбиваясь и царапаясь. Когда пальцы коснулись ее естества, ей стало дурно. Но этим все и закончилось. Гримнир убрал ладонь и поднес к глазам пальцы. Они были влажные от крови. Ее лунной крови.

– Думаю, мы друг друга поняли, – рыкнул Гримнир, нарисовав испачканным пальцем Око у нее на лбу. – Я знаю, кто ты. Я поставил на тебе ту же метку, что и на этой пещере, маленькая тупица. Я убил твоего покровителя. Теперь ты моя. Так как тебя зовут? По-настоящему.

– Эт-тайн. Меня зовут Этайн.

Гримнир кивнул и отпустил ее; девушка сползла на холодный пол, утирая лоб и всхлипывая, а он подошел к корзинам и начал копать в их с Ньялом вещах, словно в военных трофеях. Он отложил в сторону еду, сунул за пазуху несколько монеток, завернутых в старую рубаху Ньяла, и, сломав их резной крест, отправил его к хворосту. Свитки и книги он небрежно откинул, распотрошил связку отличного

пергамента, который они несли в дар отцу Гуннару из Роскилле, зато осторожно положил рядом с едой два маленьких глиняных сосуда с чернилами.

Этайн перестала плакать. *Ты не какой-то жертвенный баран, ты слуга Господа! Поднимайся!* – сказала она себе. Стиснув зубы, она поднялась на подгибающиеся ноги и, пошатываясь, подошла к Ньялу. Упала рядом с ним на колени. По ее щекам против воли вновь побежали слезы. После резни в Эксетере он был ее хозяином, потом стал ей защитником – и, наконец, братом во Христе. А когда по ночам ей было невыносимо тошно от тяжести своих грехов, то Ньял становился для нее и отцом, которого у нее никогда не было: он обнимал ее, утешал, напевал ей, словно ребенку. Этайн закрыла ему глаза, сложила руки вдоль тела.

– Отец наш Небесный, – прошептала она, перекрестившись, – по воле Твоей приходим мы в мир. Провидение Твое ведет нас по жизни нашей, и волею Твоей мы обратимся в прах.

– Почему ты рыдаешь над этой свиньей, подкидыш? Он что, не сидит теперь по правую руку от вашего Распятого Бога? Ха! Вот услужил я этому клятвопреступнику!

– Он не нарушал своих клятв! – возразила она. – В отличие от тебя! Ты оказал нам гостеприимство, а сам убил Ньяла, когда тебе захотелось! Тебя проклянут и мой бог, и твои боги!

– Гостеприимство закончилось, когда взошло солнце, –

ответил Гримнир, пнув пустые теперь корзины. – И думаю, что когда твой приятель родился, его идиот папаша посвятил его жизнь службе тирану Одину – скорее всего, он даже принес эту клятву вновь, когда плавал с этим глупцом Олафом. Что стало с той клятвой, когда он принял твоего Белого Христа?

– Нельзя нарушить клятву, данную ложным богам!

– Ложным, говоришь? Уверена в этом? – он повернулся на пятках, широко разведя руки. Костяные диски и серебряные бусины в его волосах звонко застучали. Гримнир задрал голову и крикнул в небо:

– Я убил твоего слугу, приколоченный к столбу ублюдок! Где же твоя быстрая и ужасная месть? Вот он я! Боишься меня? – Эхо его вызова стихло в вышине. – Ха! Так я и думал.

Этайн поднялась и сжала кулаки. В голубых глазах застыл смертельный холод.

– А что насчет твоего драгоценного Одина? Где он? Он не станет защищать свое имя? Не поразит...

В это же мгновение Гримнир ударил ее по губам; девушка покачнулась и упала бы, но он не убрал руки и подтащил ее к себе за подбородок – достаточно близко, чтобы почуять его зловонное дыхание. Взгляд красных глаз встретился с голубыми.

– Вот видишь. Можно сколько угодно оскорблять Распятого Бога. Но тронь богов Севера, и их месть обрушится мгновенно, маленькая тупица!

Он оттолкнул Этайн; она снова чуть не упала, но сумела устоять. Гримнир исчез в темноте пещеры, однако очень скоро вернулся, неся с собой свое добро: сумку из почерневшей от времени кожи, увешанную всевозможными амулетами. Там были нити волчьих и медвежьих зубов, костяшки человеческих пальцев с вырезанными на них рунами, рыжие и светлые скальпы со свисающими полосками кожи. Сверху красовалось нарисованное Око, но под ним была печать: выцветшая бычья голова и латинские буквы. LEGIO XIX.

Этайн наблюдала, как он раскладывает в сумке их с Ньялом вещи, закрепляет топор Ньяла привязанными к ней ремнями. Он работал быстро. Закончив, он опустился на колени и устался на Этайн тяжелым взглядом. Она почти видела, как под этим звериным черепом перекатываются мысли.

– Теперь ты меня убьешь? – помолчав, спросила девушка.
– Или решил продать меня язычникам?

– Ты из Англии, – ответил он, поднимаясь.

Она предугадала его слова.

– Я не пойду с тобой. Мне нужно... нужно похоронить Ньяла и продолжить свой путь. – Этайн снова присела у тела Ньяла, будто надеясь, что он защитит ее, как делал это всегда. – Нас... Нас ждут в Роскилле.

Гримнир положил руку на потертую рукоять сакса.

– А ты все делаешь по правилам, да? Забудь об этом. Сейчас вопрос в том, пойдешь ты сама или мне связать тебя, как свинью, прежде чем тащить в Англию.

Этайн опустила голову для молитвы и прикрыла глаза. Какая участь ее ждет? Вернуться на ненавистную землю такой же пленницей, какой она была, когда ее покидала, – или даже хуже? Она молила Бога подать ей знак, но слышала лишь, как Гримнир нетерпеливо постукивал черным ногтем по головке рукояти.

– Ну так что?

Этайн наконец открыла глаза.

– Я пойду по своей воле, если ты поможешь мне похоронить Ньяла.

Гримнир перевел взгляд на труп и обратно.

– Дай слово. Поклянись своим Распятым Богом.

– Клянусь.

Прежде, чем она успела опомниться, Гримнир преодолел расстояние между ними и схватил ее за медные волосы. Он вздернул ее на ноги, с силой оттянул голову назад. От такой жестокости девушка ахнула.

– Нарушишь клятву, – прошипел Гримнир, – и я своими руками восстановлю справедливость за твоего жалкого Христа так же легко, как и за Одина. Поняла?

Этайн кивнула. Она вдруг осознала, что молится о наступлении конца света...

Глава 6

Этайн ошибалась, когда думала, что Гримнир выйдет из пещеры, выкопает в промерзлой земле могилу и поможет ей опустить туда Ньяла. Вместо этого он отцепил от сумы топор и в считанные минуты повалил мертвое дерево. Он легко рубил ветви и рассекал шишковатый ствол ударами, которыми можно было расщепить и окованный железом щит. Этайн смотрела с недоумением. А потом поняла. Перед глазами встал погребальный костер, и Ньял, горящий на нем, словно его предки-язычники. *Гримнир собирался его сжечь!*

– Нет! – крикнула она. – Его нужно похоронить! Похоронить в земле, целым и невредимым! Лицом к востоку, чтобы в Судный день он смотрел на восходящее солнце и приветствовал сошедшего на землю Христа!

Гримнир замер. Сплюнул. На мгновение показалось, что он начнет спорить, но он лишь поднял голову и огляделся. Кажется, он остался доволен увиденным. Кивнул ей.

– Тогда уложи его как положено, – сказал он, махнув рукой. – Надо прихорошить его к приходу вашего Распятого Бога.

Он вонзил топор в дерево и присел на пень.

Этайн нахмурилась, но подошла к раскиданным Гримниром вещам и кое-что забрала: его одеяло, флягу воды, два добротных холстяных полотна, в которые был завернут по-

рванный теперь пергамент, тонкую Библию в потрепанном кожаном переплете – неполное Евангелие от Святого Иоанна, по которому она учила Ньяла читать, – и сломанный резной крест. Увидев эти кусочки дерева, она не удержалась и всхлипнула. Ньял так гордился своей работой. Невозможно было без слез смотреть на обломки его творения.

Она положила вещи около тела друга. Оно все еще было теплым, конечности податливо гнулись, когда Этайн распрямляла ноги и укладывала руки по бокам. Она положила его голову прямо. Намочила один кусок холстины и отерла как могла кровь с лица. Затем накрыла вторым куском его гордое лицо. Накинув на него одеяло, Этайн положила Ньялу на грудь Евангелие и куски разбитого креста.

– Восток в той стороне, – буркнул Гримнир, указывая вглубь пещеры.

– Его нужно похоронить в земле, лицом к востоку, – отрезала Этайн. – Надо отыскать поблизости мягкую землю, может, ближе к пескам у фьорда.

Гримнир поднялся и подошел к телу Ньяла. Этайн подвинулась, и он, нагнувшись, схватился за лодыжки дана, развернул его так, чтобы тот лежал ногами на восток.

– Он уже в земле, – бросил Гримнир. – Нет смысла таскать эту тушу по всей округе. Собирай вещи, и пошли. Ты и так уже потратила уйму времени.

– Ты хочешь его так бросить? Ах ты, подлая тварь! Ты пообещал, что поможешь мне его похоронить!

– Да. Мы и похоронили – в гробнице, достойной короля.

– Гробнице? Это не гробница, это просто...

– Сказал гробница, значит, гробница, – оборвал ее Гримнир. – Если не нравится, то давай просто сожжем никчемного ублюдка! Выбирай!

Но выбирать здесь было не из чего. Этайн это понимала и предполагала, что *искрелинг* тоже знает. Сжечь человека – все равно, что предать его анафеме. Как бедный Ньял восстанет из мертвых и соединится со своей душой в Судный день, если у него не будет тела? Нет, эта дикая пещера должна стать ему усыпальницей; такой же скромной усыпальницей, как у самого Спасителя. Этайн вздохнула. Она присела у тела Ньяла и вновь аккуратно выпрямила его конечности. Затем нагнулась и поцеловала его лоб сквозь холстяное полотно.

– Наше путешествие окончено, добрый друг, – прошептала она. – Ступай с Богом, и да пребудет твоя душа в Его Царствии вечно.

Но стоило ей подняться, и случилось кое-что странное. Это вселило в девушку надежду, но и напугало не меньше: Ньял тихо застонал. Девушка застыла; она мельком оглянулась через плечо, проверяя, не услышал ли этот стон ее тюремщик. Но Гримнир снова деловито копался в остатках их вещей. Он взял на себя труд забрать и положить в мешок кое-какие вещи, принадлежавшие, по его мнению, Этайн. Девушка быстро повернулась к Ньялу. Немного поколебав-

шись, она положила дрожащую руку ему на грудь, словно благословляя.

Под клетью ребер слышалось слабое биение сердца.

Этайн отдернула ладонь, будто обожглась.

– Боже милостивый, – пробормотала она, не зная, что теперь делать. Она была уверена лишь в одном: если Гримнир приблизится и догадается, что Ньял еще жив, то добьет его. Но если не заняться его ранами, то он, наверное, все равно умрет. Мучительные мгновения, казалось, обернулись часами, пока Этайн пыталась угадать, чего хочет от нее Господь. Но его воля проявила себя через *скрелинга*.

– Поднимайся! – резко потребовал он. – Ты и так просидела слишком долго. Мы впустую тратим день.

И вдруг Этайн ясно поняла, как ей поступить. Нужно ввернуть Ньяла в руки Господа и идти за Гримниром. Если она останется, они могут погибнуть оба. А если пойдет, то шанс выжить будет хотя бы у одного. Она кивнула. Еще раз склонившись к Ньялу, девушка прошептала:

– Найди меня, Ньял Рыжий, сын Хьялмара, убийца принца Эотреда из Вэрхэма, Бич Эксетера. Найди меня, если того хочет Бог, – она вновь поцеловала его в лоб, поднялась и повернулась к Гримниру. – Я готова.

Он кинул ей сумку с ее вещами, взвалил на спину свою и кивнул на выход из пещеры.

– Сначала ты.

Молясь про себя Господу, Этайн протиснулась мимо него

и начала карабкаться по ступеням, предоставив Ньяла его судьбе.

«А меня – *моей*», – подумала она, бросив взгляд на распростертую внизу фигуру. – «*Если Богу будет угодно, он сведет нас вновь*».

Глава 7

Выйдя из пещеры, они пошли по тропе на юг. Она вилась и уходила правее, взрезала низкие холмы, забираясь иногда на крутые склоны окаймленной сверкающим фьордом долины. Тропа пролегла по кромке леса; слева раскинулись холмы: на их вершинах стояли под холодным синим небом открытые всем ветрам выжженные развалины когда-то устрашающего длинного дома викингов. Вскоре дорога резко ушла вниз, под сень деревьев, и в воздухе закружились на ветру золотые и бурые листья.

Тут они сошли с резко повернувшей направо тропы, и Гринмир повел их верхами, избегая поселений и обходя стороной поля, на которых зрел последний в этом году урожай. Иногда он начинал шагать с немилосердной скоростью, и Этайн почти переходила на бег; а иногда они пригибались, словно пробирающиеся в стан врага лазутчики. В такие моменты Гримнир принохивался и чуть ли не вжимался носом в землю. Около полудня Этайн заметила, что он оживленно беседует со скрюченным деревом – ругаясь на грубом наречии, на котором, наверное, говорили меж собой *скрелинги*.

– Твой Распятый Бог их заразил, – сказал он, с отвращением сплюнув.

– Кого заразил? Деревья?

Гримнир смерил ее тяжелым взглядом.

-Landvættir,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.